

ПОЛЧАСА И ВСЯ ТВОЯ ЖИЗНЬ...

Мысли вслух Майи Булгаковой

ХУДЕНЬКАЯ. седеющая женщина рублила торт. Не резала — рублила. Тяжелое лезвие рассекло умильные кремные розочки, зло вонзилось в мягкость, нащупывая картонное дно коробки, и отодвигало в сторону очередной неизвестно кому предназначенный кусок. Потом нож снова взлетал над коробкой. Удары сыпались один за другим, как будто по дереву, по железу. Изредка женщина задавала вопросы, резкие, отрывистые, — как зовут, сколько лет, был ли женат и когда разведен... Собеседник ее, сидевший напротив, отвечал односложно, негромко, внутренне съеживаясь под взглядом тяжелых, невеселых глаз женщины, а та продолжала все так же рубить торт и так же настойчиво допрашивать. Женщина казалась и взволнованной, и смущенно прячущей слабость, и непримиримой, и жаждущей понимания, и жесткой, и ранимой, исполненной единственной желанием — найти контакт с тем, кому она задавала свои вопросы, с человеком, впервые в жизни увиденным ею, хоть как-нибудь сблизиться и разобраться: за что же он понравился ее дочери?..

Было это во время репетиций одного из эпизодов фильма «Крылья». Снималась первая встреча Петрухиной с Игорем, мужем ее дочки Тани. Надежду Степановну Петрухину играла Майя Булгакова.

Позже, читая сценарий, я удивилась: отрывок не показался мне столь значительным и емким, каким прозвучал на съемке и позже в картине. Был только текст, и не было расплывшегося на куски торта, не было поспешно твердой, такой неженской руки, не было ложного, то вспыхивающего, то угасающего в смущении голоса, не было настороженных, полных боли глаз. Словом, не было актрисы, сумевшей так полно и совершенно прожить несколько мгновений чужой жизни с ее щемящей тоской, холодным одиночеством и страшным вопросом, постоянно присутствующим в ней, отнесенным к самой себе: «А может быть, она погибла?».

Встретившись с Майей Булгаковой, я спросила ее, как смогла она тогда на репетиции, в этом микроспектакле, обходясь минимумом слов, открыть целую человеческую жизнь, трудную, неординарную, не укладывающуюся ни в какие схемы и киносхемы...

— Честно говоря, не помню всех подробностей,

помню хорошо только свое состояние. Нет, конечно, не свое — Петрухиной, но в дни съемок я не умею отделять себя от своих героинь. Главным, причем, как и в любой другой работе, было для меня максимально использовать то, что давала роль. Ничего не упустить, додумать каждый авторский пафос, каждое скрытое движение, каждый момент жизни экранной и внеэкранной, которую я считаю не менее важной.

Недавно в «Советском экране» я прочитала интервью, взятое у Майи Плисецкой по поводу ее съемок в фильме «Анна Каренина».

Не спорю, роль выучить легко. Если подражать под ролью только текст. Слова. Одни слова.

Вот если бы с той же легкостью точно сказать на репетиции или съемке эти слова. Точно при этом встать или сесть. Вдохнуть или скрыть вдох. Посмотреть на партнера или зажмуриться, отвести глаза, точно услышать его слова, адресованные тебе. То есть безошибочно точно увидеть мир взглядом не твоим, не Майи Булгаковой, а какой-то Петрухиной, Марины, Арины, Горпины, еще вчера совершенно незнакомой тебе. Взглядом, может быть, даже неприемлемым для тебя лично.

Вы вспомнили репетицию на съемках «Крыльев». Это одна из обычных, ничем не выдающихся репетиций, с нормальными муками и огорчениями. Вечером читаешь сценарий, днем на другой день съемка. Кажется, все... Но главное было в том, чтобы всякий день и всякий раз приносить с собой в павильон всю жизнь Петрухиной. Даже если она появлялась в кадре на мгновение, даже на каком-нибудь третьем, десятом плане. И молодость, и любовь ее, расстрелянную в бою. И то, что привыкла она жить по приказу и иначе не представляет себе самое себя. И то, что мир делит она на черное и белое, забыв, что есть и другие краски. И при всем том должно было биться ее живое, не застывшее до конца сердце, должна была жить ее тяга к людям, к которым она не может найти дорогу. В общем, ее вера и ее ошибки. Ее неведение и ее сила. Ее страдания и ее прозрения.

И я искала контакт с Игорем, понимая, что не найду его. Я изо всех сил хотела ему понравиться. Хотела понять, что в нем нашла моя Тania, таком, немолодом, некрасивом, разведенном. Мысленно сравнивала его с Митей, моим Митей, погибшим двадцать лет назад, и Игорь казался мне еще некрасивее и тоскливее. Я знала, что я — чужая в его доме, в его компании, не понимала всех их шуточек, недомолвок, опасалась каждого из гостей. Но виду не подавала. Поняла, что, несмотря на все старания, не нравлюсь Игорю, а он ускользал, уходил меж пальцев. Я наступала от бессилия, говорила глупости. И рублила торт. Не потому, что

не умела резать. А так — с размаху. Как все дела — вообще.

...В разговоре о нашей актерской профессии часто употребляют такое слово — перевоплощение. То есть перейти во плоть. Чью-то чужую плоть. Странно, я особенно чувствую суть этих слов даже не во время съемок и репетиций. Там я — другой человек, у которого другие слова, другие позы, ступни, мысли, чувства. Это закономерно. Но вот, как у всех людей, у нас наступает конец рабочего дня. И мы как будто свободны. Можем заниматься своими делами, семьей, ходить в театр, в гости, словом, делать, что заблагорассудится. Нет, не получается так у нас. В мозгу продолжается настоящий, непрерывный анализ, от которого никому да не уйти. Вспоминаешь подробности, ускользнувшие на съемке, интонацию той или иной фразы, слова, свои ли, чужие, реакцию на них. Нет! Все было не так! Не так сказала! Не так повернула лась... Не то сделала...

А что значит для нас «то» и «так»? Значит, до конца, до донышка, углубившись в человека, значит, возникнет контакт мой и зрителя, родится сопричастность зрительного зала, то есть тех, для кого я мучилась, страдала, не навидела себя, падала духом и все-таки добиралась до истины.

Значит, у моей героини появятся друзья и враги.

Значит, я заставлю людей задуматься.

И это зависит не только от сценариста и режиссера. Убеждена: от того, что я сама хочу сказать ролью.

Один из самых близких мне в искусстве людей, артист Михаил Федорович Романов, говорил: «В искусстве должна быть личная интонация». А личную интонацию рождает точно осознанная твоя человеческая, гражданская позиция, умение своим профессиональным языком выразить свое отношение к жизни, свое мироощущение.

Играя Надежду Степановну Петрухину, я, актриса Булгакова, должна была целиком принять в себя мир человека, полярного мне во многом, не отказываясь ни от одной черты, какой бы антипатичной она мне ни казалась.

Принять, но не примириться.

В этом одно из тяжелых условий работы над ролью, один из тяжелых парадоксов нашей работы. В обычной, реальной жизни, встретившись в Петрухиной, я вряд ли стала бы ее другом, даже близкой знакомой. И это не только с Петрухиной. Из недавних работ подобная ситуация — в картине «Путешествие», где я играла эпизодическую роль.

Как сделать так, чтобы не идти по узкой заданности сюжета, а привнести свое миропонимание, свое «добро» и «зло»?

Искусство актера — менее всего сумма технических приемов и навыков. Хотя они существуют и имеют право на существование.

Вы читали статью Смоктуновского в «Известиях»? Собственно профессии отведено в этой статье не так уж много места. Скорее, это выражение его жизненной позиции, его боль, его радости, его тревоги — человека, не актера. Но я читала и строчка за строчкой узнавала в них мир героев Смоктуновского, его чуткость, его многогранность, его своеобразие, его неисчерпаемость... Все, о чем он писал, я знала по его работам.

Да, роль можно выучить за полчаса.

Но эти полчаса длятся для актера всю жизнь. Стоишь ли на съемочной площадке, слушаешь ли Моцарта или занимаешься своими, такими домашними, обыденными делами.

Сегодня у меня была съемка. Я играю Арину из рассказа Горького «Скупи ради». Роль трудная, для меня необычная, многое нелегко дается, ломаю себя, чтобы все было заново. Не знаю, что получается на пленке. Мысленно и сейчас проигрываю всю сцену и думаю: вот бы теперь сыграть! Ругаю себя за сделанное без конца.

И так каждый день.

Только поймите меня правильно — я говорю об этом не для того, чтобы пожалели — ах, как трудно, невыносимо, бедненькие... Ни в коем случае! Это наша работа, и я хочу, чтобы так было каждый день. Значит, сегодня что-то сделано, чтобы люди стали немножко счастливее. Потому что для меня суть нашей профессии в том, чтобы работать на человеческое счастье...

Вела интервью
Э. ЛЫДИНА.